

«СТЕПНАЯ ШКОЛА» – ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ
(Краткая история, начальники и «неизвестные» выпускники)

«Велико было значение этого единственного Общеказачьего военного училища, как рассадника офицеров наших доблестных полков всех Казачьих Войск (Донское Войско имело свое военное училище), в которое слеталась грамотная казачья молодежь с предгорий далекого Кавказа, с Горыныча-Урала, со степей Оренбургских, с бурного Иртыша и из далеких Забайкалья, Амура и Уссури, чтобы теперь не почтить доброй памятью степной простор далекой, но так родной Казачьей военной школы и перекликнуться между собою для работы на восстановление искони славного нашего КАЗАЧЕСТВА...» – говорилось в воззвании инициативной группы, объединившей офицеров и бывших юнкеров Оренбургского казачьего военного училища (ОКУ), опубликованном в Париже в 1930 г. во всех казачьих журналах, русских газетах и журнале «Часовой»¹.

Оренбургское окружное училище было учреждено 11 ноября 1867 г. (старшинство училища) в Оренбургском военном округе с целью подготовки кандидатов в офицеры пехоты и Казачьих Войск – Оренбургского и Уральского, и имело два отделения – пехотное и казачье. Состав его не превышал 200 юнкеров – одна рота и одна сотня².

Из училища юнкера выпускались после прохождения двухгодичного курса с правами на производство, а не офицерами: подхорунжими в казачьи части и подпрапорщиками в пехоту. В войсках они производились в прапорщики³ (с 1884 г. в хорунжие и подпоручики) по удостоению начальства и при согласии общества офицеров полка, причем окончившие училище по 1-му разряду – в течение первого года службы в строевых частях, по 2-му разряду – на второй год и более⁴.

После закрытия в 1896 г. Ставропольского казачьего юнкерского училища на Кавказе, а в 1901-м и Казачьего отделения при Иркутском юнкерском училище, ОКУ стало комплектоваться юнкерами всех Казачьих Войск, кроме Донского. Еще с 90-х гг. XIX столетия форма и лампасы юнкеров отличались войсковыми цветами: Оренбургского – синим, Уральского и Семиреченского – малиновым, Сибирского – красным, Астраханского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского – желтым, Кубанцы и Терцы носили нарядные черкески⁵.

В 1901–1902 учебном году окружные юнкерские училища перешли на программы военных училищ с трехгодичным курсом и с 1904 г. Оренбургское училище выпускает юнкеров прямо с производством в офицеры: окончивших по 1-му разряду – со старшинством в чине хорунжего одного года, окончивших по 2-му разряду – со старшинством со дня производства. Это явилось началом уравнивания юнкерских училищ с военными.

Окружные юнкерские училища инспектировались Главным управлением военно-учебных заведений (ГУВУЗ) только по учебной части, оставаясь в ведении Главного Штаба, а казачьи Оренбургское и Новочеркасское юнкерские училища – еще и в ведении Главного управления Казачьих Войск (ГУКВ). Содержались эти два училища Казачьими Войсками по числу юнкеров от каждого Войска, поступившим в них молодым людям предписывалось иметь два-три срока обмундирования за личный счет, в отличие от юнкеров всех остальных регулярных училищ России.

В 1903 г. начальники Оренбургского и Новочеркасского казачьих юнкерских училищ – Генерального Штаба полковник М. Г. Михеев и Генерального Штаба полковник А. М. Каледин добились, чтобы все обмундирование юнкеров, а также их обмундирование к производству в офицеры взяли на себя Казачьи Войска по при-

¹ См.: *Елисеев Ф. И.* Первые шаги молодого хорунжего / Сост. и науч. ред. П. Н. Стрелянов (Калабухов). М., 2005. С. 84.

² Военная энциклопедия: В 18 т. (издание незаконченное) / Под. ред. К. Величко, В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915. Т. 17. С. 153.

³ В то время чин прапорщика пехоты соответствовал: в кавалерии чину корнета; в казачьих войсках чину хорунжего (XIV класс по Табели о рангах). После 1884 г. чин хорунжего приравнивался к чину подпоручика в пехоте и корнета в кавалерии (XII класс).

⁴ См.: *Елисеев Ф. И.* Указ. соч. С. 87.

⁵ См.: Там же.

надлежности каждого юнкера к Войску; в результате, выпуск в офицеры 1904 г. был одет не на личные деньги, а на войсковые⁶.

В том же году, в Оренбургском училище ввели однообразную форму одежды по образцу Оренбургского Войска, но в отличие от него не с синими, а с алыми погонями.

В 1904 г. училищу Высочайше было пожаловано училищное знамя, церемонию передачи его произвел Наказной Атаман Оренбургского Войска генерал-лейтенант Я. Ф. Барабаш на параде в торжественной обстановке⁷.

За год до начала Русско-японской войны начальники окружных юнкерских училищ возбудили вопрос о совершенном уравнивании своих училищ с военными и принятии их в полное ведение ГУВУЗа: программа в училищах была одинаковая, а денежные средства на учебную часть, вознаграждение преподавателям и довольствие юнкеров отпускались неравные (в юнкерских много меньше).

В 1906 г. начальник военно-учебных заведений Великий Князь Константин Константинович собрал всех начальников военных и юнкерских училищ в Петербурге. Съезд установил новые учебные программы, штаты училищ и поручил их начальникам разработать «табели» содержания – «от пуговицы до содержания лошадей включительно». Вместе с тем, начальникам училищ давалось право, по своим достоинствам, быть произведенными в генерал-майоры и в генерал-лейтенанты⁸.

В 1909 г. Оренбургское казачье юнкерское училище переименовывается в военное; его составляла конная сотня в 120 юнкеров. Число вакансий в училище по Войскам определялось: Оренбургского – 36, Уральского – 24, Кубанского – 18, Терского – 12, Сибирского – 12, Забайкальского – 12, Астраханского – 3, Семиреченского – 3, Амурского – 3 и Уссурийского – 3.

Не удовлетворяясь количеством вакансий, Оренбургское Войско каждый год добивалось разрешения принимать в училище сверх комплекта до 12 юнкеров. Не менее серьезно обстояло дело с Кубанцами и Терцами. Для вольноопределяющихся 2-го разряда из первоочередных полков и пластунских батальонов Кубанского Войска устанавливался жесткий конкурс, т.к. их прибывало нескольких десятков человек ежегодно. Конкурс определялся только наличием своих войсковых вакансий, а не всего училища. В то время как юнкера других Войск в малом числе поступали на войсковые вакансии свободно и не заполняли их, Кубанцы не имели свободных вакансий и ожидали их от непробывших или от невыдержавших вступительных экзаменов казаков других Войск⁹.

На эти свободные вакансии Кубанцы зачислялись по общему конкурсу, а училищное начальство хлопотало перед Кубанским Наказным Атаманом о принятии дополнительных расходов на войсковой счет. В течение месяца-двух поступившие юнкера не знали, согласится ли войсковое начальство взять на себя лишний расход или им придется снять мундир юнкера и вновь стать вольноопределяющимися. В 1912 г. определенное число Кубанских вольноопределяющихся, окончивших учебные команды младшими урядниками и выдержавших вступительный экзамен в среднем на 10,5 баллов – уехали в свои полки, т.к. Войско не взяло на себя дополнительный расход.

В любом случае, Кубанцы и Терцы всегда заполняли чужие вакансии: первых вместо 18 было свыше 30, вторых до 20 человек.

Первым начальником училища в 1868 г. стал полковник Котов, его сменил полковник В. А. Потто (1870–1882), затем Генерального Штаба полковник А. Ф. Гершельман (1882–1892), полковник Э. С. Муромцев (1892–1897), Генерального Штаба полковник В. В. Григоров (1897–1902), Генерального Штаба полковник М. Г. Михеев (1902–1908), Генерального Штаба полковник К. М. Слесарев (1908–1918, 1919–1920)¹⁰.

Среди них нельзя не выделить Василия Александровича Потто – воспитателя, историографа, путешественника и военного писателя. Боевой офицер Кавказских войн, в 1866 г. капитан Потто прикомандировывается к Николаевскому кавалерийскому училищу и переводится штабс-ротмистром Л.-Гв. в Уланский полк. Его дея-

⁶ См.: Там же. С. 90.

⁷ Елисеев Ф. И. Указ. соч. С. 90.

⁸ См.: Там же. С. 91.

⁹ См.: Там же. С. 128.

¹⁰ См.: Там же. С. 85, 87–88, 92.

тельность в нравственном воспитании юнкеров обратила на себя внимание военного министра Д. А. Милютина и в 1870 г. Потто назначается начальником Оренбургского казачьего юнкерского училища. Руководителем педагогов и воспитателем будущих офицеров он был назначен в 35 лет и в малом чине штабс-ротмистра гвардии¹¹.

Считая важным практически подготовить юнкеров для будущей боевой деятельности, Потто издает «Записки о степной войне» и в 1871 г. командирован в киргизские степи для личного ознакомления со службой и жизнью степных отрядов и особенностями степной природы. Поездка в то время представлялась далеко не безопасной из-за набегов хивинских шаек в Оренбургскую степь.

В сопровождении одного проводника-киргиза, майор Потто объехал Актюбинское и Нижне-Эмбенское укрепления, побывал на Мангышлаке, в Орске, в фортах Кара-Бутаком и Иргизском, посетил часть Туркестанского округа и все отряды, стоявшие на пограничной линии. В результате поездки появился его новый труд «Степная война», переведенный в Лондоне на английский язык в 1874 г.

В течение 11 лет начальствования училищем, В. А. Потто настойчиво и систематически развивал у своих питомцев любовь и преданность к военному делу. Стены училища украсила коллекция из более, чем тысячи картин, рисунков и портретов по русской военной истории – «Военно-картинная галерея». Боевые предания порубежного казачества, имена выдающихся военачальников Кавказа, Туркестана, героические подвиги Севастопольской обороны, Отечественной и других войн вошли в составленную им «Военную хрестоматию». Описанные живо и увлекательно, они служили темами для военных бесед с юнкерами.

Прекрасный военный дух, истинную казачью удаль и молодцеватость отмечали у юнкеров все инспектирующие Оренбургское училище начальники.

Талантливый администратор полковник В. А. Потто сделал еще многое для благоустройства училища: его стараниями заведена большая библиотека, построены манеж и юнкерская церковь. Праздник училища имело на «Пресвятую Богородицу Новгород-Северскую» 20 декабря¹².

С началом войны 1914 – 1918 гг. училище перешло на 4-месячный курс обучения.

После большевистского переворота Оренбургское Казачье Войско не признало советской власти. Оренбургский Атаман полковник А. И. Дутов, бывший помощник инспектора классов и преподаватель тактики и саперного дела в училище, разместил в его стенах штаб, отбиваясь от красных, наступающих на город с двух сторон – от Самары и от Ташкента. В феврале 1918 г. Оренбург пал, и начальник ОКУ генерал-майор К. М. Слесарев увел училище в г. Уральск.

Отступив в пределы Уральского войска, училище произвело выпуск в хорунжие, после чего остались 20–25 юнкеров младшего курса и кадр училища, вернувшиеся в освобожденный летом Оренбург¹³.

В январе 1919 г. после ожесточенных боев красные во второй раз заняли Оренбург; в полном составе казачье училище ушло в Сибирь, к концу года достигнув Иркутска. Здесь в тылу армии адмирала А. В. Колчака, отходившей на восток, в январе–феврале 1920 г. произошло восстание левых эсеров. Юнкеров, как надежный элемент, расставили по нарядам в караулы. Но власть в Иркутске быстро перешла к красным, застигнутое врасплох училище обезоружили и ОКУ перестало существовать – практически никто из личного состава оттуда не вырвался¹⁴.

* * *

На приведенной ниже фотографии из коллекции исследователя уральского казачества С. В. Картагузова изображены два неизвестных казачьих офицера в чине прапорщика. Надпись на обороте, сделанная в Оренбурге 5 января 1916 г., щего-

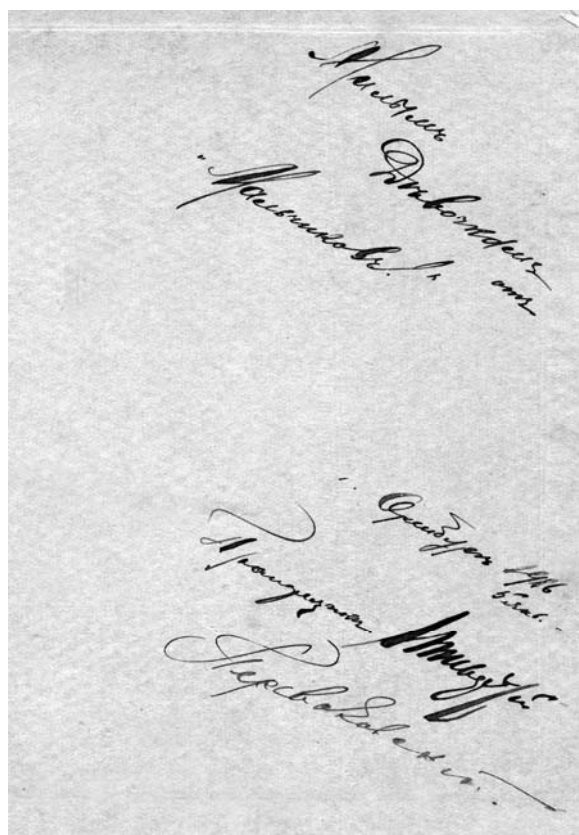
¹¹ В то время чин штабс-ротмистра гвардии соответствовал чину майора армейской кавалерии или пехоты.

¹² Елисеев Ф. И. Указ. соч. С. 94.

¹³ См.: Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб., 2003. С.378.

¹⁴ См.: Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1822) // Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине. М., 2003. С. 418–419.

леватость и «тонность» формы и оружия молодых людей позволяют говорить о том, что перед нами, по всей видимости, недавние выпускники Оренбургского казачьего военного училища (последнее перед указанной датой производство юнкеров ОКУ в офицеры состоялось 1 января 1916 г.)¹⁵. Определить, кто они – и явиться нашей задачей

Оба офицера в зимних черкесках, на погонах вензель «Е» с императорской короной, свидетельствующие о принадлежности к 1-му Запорожскому Императрицы Екатерины Великой полку Кубанского Казачьего Войска (ККВ). Этот полк в Великой войне 1914–1918 гг. входил в состав 1-й Кавказской казачьей дивизии, действовавшей на Кавказском фронте.

На «газах» черкесок видны жетоны-погончики, скорее всего училищные, у офицера, сидящего справа, жетон проходит через знак 200-летия ККВ. Оружие кавказское: кинжал офицера, стоящего слева, в серебряных металлических ножнах; у того, что справа – кинжал и шашка в ножнах черной кожи с серебряными «клинами» и украшениями.

На обороте фотографии текст: «Милым Девочкам от Мальчиков», место и дата, и подписи прапорщиков. Так ли обыденны эти юношески пылкие слова?

В Оренбурге было много учебных заведений, среди них наряду с мужскими – Николаевский Институт благородных девиц, три женских гимназии и другие училища. Праздники ОКУ проводились торжественно и заканчивались балом (пусть не таким пышным и не до утра, как в мирное время). «Юнкерский» бал считался лучшим в городе, «его с трепетом ждали все и в особенности учащаяся женская молодежь»¹⁶ – писал очевидец. Кубанцам и Терцам разрешалось быть в черкесках, нашив на них юнкерские погоны. «И вот, на нем-то, на этом балу, куда собирался весь цвет гарнизона и городской аристократии – юнкера-Кавказцы, в цветных своих черкесках, в чевьяках, в папахах, затянутые поясами донельзя – они были кумирами девиц, завистью мужчин, украшением училища, гвоздем вечера...

¹⁵ См.: ГУВУЗ. О составлении краткого обзорного отчета за 1916 год. (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 725. Оп. 50. Д. 17. Л. 35.). Автор благодарит А. В. Марыняка, указавшего этот источник.

¹⁶ Елисеев Ф. И. Указ. соч. С. 130.

О фуроре не приходится говорить – все «таяло» кругом...»¹⁷. Бывали юнкера и в гостях в семьях города, где у них имелось много знакомых девиц. По-видимому, не ошибемся, заключив, что обращение «к Девочкам» на фотографии логично вытекает из вышесказанного.

Из подписей офицеров на снимке с трудом читается фамилия только второго прапорщика: «Переводовский» или «Перевозовский»; разобрать роспись первого, не зная фамилии – практически невозможно.

В нашей базе данных офицеров ККВ, в списках 1-го Запорожского полка (по состоянию на декабрь 1916 г.), лиц, окончивших ОКУ применительно к дате на обороте фотографии «5 января 1916» не значится. Есть офицеры довоенных выпусков или окончивших училище раньше и других фамилий.

Зато во 2-м Запорожском полку ККВ, среди офицеров, зачисленных в полк после 1 декабря 1916 г. – они нашлись! Итак, это *Михаил Передерий* – хорунжий, младший офицер сотни и *Михаил Перевозовский* – хорунжий, начальник пулеметной команды (на 1 января 1917 г.). Больше из ОКУ на это время никого нет, кроме окончивших его раньше; остальные офицеры полка – других училищ, школ прапорщиков и произведенные из нижних чинов за боевые заслуги.

Фамилия Передерий вполне согласуется с его подписью на фотоснимке. Так они, друзья по Оренбургскому казачьему училищу, видимо шли рядом и в Великой войне.

Дальнейшая судьба этих выпускников ОКУ пока прослеживается лишь в отношении одного из них – Михаила Константиновича (по др. данным Кондратьевича) Перевозовского. Сотником он участвовал в 1-м Кубанском (Ледяном) походе в 1-м Кубанском конном полку, воевал в Добровольческой армии, в 1920 г. есаул, эмигрировал в Сербию, где и погиб (застрелился) в г. Вранье в 1924 году¹⁸.

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Волков С. В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 238.